

На правах рукописи

САЖИНА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ
КОМИ-ЗЫРЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ
(ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ).
АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Специальность 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2004

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук

Научный руководитель: доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Цыпанов Евгений Александрович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Шутов Александр Фёдорович
кандидат филологических наук, доцент
Прокушева Тамара Ивановна

Ведущее учреждение: Сыктывкарский государственный университет

Защита состоится « 17 » мая 2004 года в 14 часов на заседании регионального диссертационного совета ДМ 212.275.06 при ГОУВПО “Удмуртский государственный университет” по адресу:
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2, ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственного университета.

Автореферат разослан « ____ » апреля 2004 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Н.И.Чиркова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация представляет собой опыт сравнительного изучения коми-зырянских диалектов. Объектом данного исследования является диалектная морфология существительного, прилагательного, числительного и местоимения, традиционно объединяемых в разряд именных частей речи.

Актуальность проблематики исследования связана с необходимостью систематизации и обобщения обширного материала, собранного учеными за всю историю изучения коми диалектов. Коми диалектология долгое время находилась в рамках диалектографии, само описание в большинстве случаев велось путем отображения замкнутых систем отдельных диалектов почти без их сопоставления. За последние четыре десятилетия диалектология достигла значительных успехов в деле изучения и описания территориальных разновидностей языка: коми диалектологами обследованы ареалы распространения всех коми диалектов, собран огромный языковой материал, на основе которого созданы монографические работы по всем коми-зырянским диалектам. Наличие необходимых изысканий по отдельным диалектам создает предпосылки для изучения их в сравнительном аспекте, для описания в сравнительно-сопоставительном плане отдельных грамматических классов слов с целью создания обобщающих диалектологических работ.

Имеющиеся работы по коми диалектологии служат также основой для ареальных исследований, в том числе и в рамках данной диссертации. Данные лингвистической географии представляют большие возможности для изучения языковых явлений не только в синхронном, но и в диахронном плане. Использование методов картографирования и изоглоссирования при изучении диалектных явлений поможет в решении важнейших проблем коми диалектологии, таких как изучение древнего диалектного членения коми языка, выявление происхождения и формирования диалектов, выявление роли и значения миграционных процессов в образовании территориальных разновидностей языка, уточнение современного диалектного членения языка, составление диалектологического атласа коми языка. Методы ареальной лингвистики ценны тем, что дают возможность обобщать огромный разрозненный материал, который требует своего теоретического осмысления.

Особую актуальность сравнительное изучение коми-зырянских диалектов приобретает в условиях деформации территориальных разновидностей коми языка вследствие интенсивного русскоязычного влияния, воздействия литературного коми языка и интеграции диалектов.

Цели и задачи диссертации. Целью исследования является детальное сравнительное изучение морфологической структуры именных частей речи коми-зырянских диалектов в ареальном аспекте. В связи с поставленной целью определены основные задачи работы:

1) дать общее описание морфологии именных частей речи в коми диалектах;

2) дать ареальную характеристику морфологическим явлениям, распространенным в отдельных диалектных ареалах;

3) проследить тенденции в территориальном распространении морфологических явлений; установить, по возможности, центры возникновения и зоны вибрации лингвистических явлений для изучения взаимодействия и взаимовлияния разных диалектов;

4) выявить ареальные морфологические параллели в смежных пермских диалектах;

5) при необходимости рассмотреть диалектные явления с исторической точки зрения;

6) выявить специфические диалектные морфологические явления в области исследуемых частей речи; попытаться осмыслить их теоретически, используя при необходимости данные исторической диалектологии, сравнительно-исторического языкознания;

7) составить лингвистические карты и определить изоглоссы анализируемых морфологических явлений.

Методы исследования. Основные методы исследования определяются целями и задачами работы. Синхронная характеристика морфологической системы коми-зырянских диалектов на уровне именных частей речи с выявлением территориального распространения анализируемых явлений обусловила использование описательного и лингвогеографического методов. С целью объяснения отдельных языковых явлений применяется сравнительно-исторический метод. В работе широко используется также сравнительно-сопоставительный метод, что вызвано необходимостью сопоставления анализируемых явлений с явлениями других диалектов и языков.

Источники исследования. Основная часть анализируемого материала собрана из различных печатных и рукописных источников: диалектных монографий; диалектных текстов, записанных Т.Утилой и К.Редеи; образцов коми-зырянской речи; диалектных материалов, хранящихся в фондах Научного архива Коми НЦ УрО РАН; “Сравнительного словаря коми-зырянских диалектов”. В работе широко используются материалы, собранные автором во время полевых экспедиций, осуществленных на территории распространения ижемского, печорского, верхнекамского диалектов в 2000-2003 гг. Кроме того, использованы современные аудио-

записи, произведенные сотрудниками отдела языка Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в ежегодных полевых экспедициях, начиная с 1999 г.

Научная новизна. Настоящая работа является первым опытом системно-сравнительного изучения коми-зырянских диалектов на материале именных частей речи. Научная новизна исследования состоит в следующем:

- 1) впервые проведено детальное сравнительное исследование диалектных морфологических характеристик именных частей речи в коми-зырянских диалектах;
- 2) исследование проведено в ареальном аспекте с использованием нового диалектного материала;
- 3) установлены изоглоссы морфологических явлений, как в системе коми-зырянских диалектов, так и за их пределами; дана попытка их интерпретации;
- 4) уточнены вариативные ряды анализируемых морфологических явлений;
- 5) уточнены границы территориального распространения некоторых диалектных явлений;
- 6) выявлены тенденции в территориальном распространении диалектных морфологических явлений;
- 7) впервые на материале анализа диалектной морфологии именных частей речи установлены языковые связи северных зырянских и северных удмуртских диалектов.

Теоретической и методологической основой настоящей работы послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов по пермскому и финно-угорскому языкознанию. Работа опирается также на авторитетные исследования в области ареального изучения языков и диалектов.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при изучении морфологии пермских языков, как в синхронии, так и диахронии; составлении диалектологического атласа коми языка. Многие положения диссертации найдут применение в вузовской практике преподавания диалектологии и исторической грамматики, прежде всего на финно-угорском факультете Сыктывкарского государственного университета, филологических факультетах Пермского педагогического университета и Коми государственного педагогического института. Основные результаты работы могут быть использованы при написании обобщающих работ по коми диалектологии, создании учебных и методических пособий для студентов, разработке основных курсов, спецкурсов и спецсеминаров по коми диалектологии. Кроме того, полученные данные могут быть

применимы в решении некоторых теоретических проблем исторической диалектологии коми языка.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в 7 публикациях, а также докладывались на зональных, региональных и международных симпозиумах и конференциях в городах Сыктывкаре, Ижевске, Москве.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из предисловия, введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка использованной литературы и приложений. Приложение 1 содержит таблицы склонения существительных и местоимений, приложение 2 включает лингвистические карты распространения анализируемых явлений. Общий объем работы 282 страницы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В предисловии обосновывается актуальность темы, излагаются цели, задачи и методы исследования, раскрываются научная новизна и практическая значимость работы.

Во введении дана краткая характеристика коми-зырянского диалектного пространства, освещены исторические условия формирования зырянских диалектов и история их изучения, а также отражены некоторые теоретические вопросы лингвистической географии и ареальной лингвистики.

Глава 1. “Существительное”. Данная глава, состоящая из четырех разделов, посвящена анализу диалектной морфологии существительного.

В разделе **“Категория числа”** рассматривается важнейшая категория имени существительного, базирующаяся на оппозиции форм единственного и множественного числа и выражающая количественные характеристики предметов и явлений. Единственное число в коми-зырянских диалектах не имеет специального показателя. Известно, что в финно-угорских языках существительное в форме единственного числа может выражать не только значение единственности, но и значения множественности и двойственности (Основы 1976: 219). В частности, форма единственного числа существительных употребляется при обозначении парных частей тела и относящихся к ним парных предметов одежды: *кийй кынмис* ‘руки (мои) замерзли’, *кокыс вис’ö* ‘ноги (его) болят’, *сапöз н’öбны* ‘сапоги купить’. Однако в некоторых коми-зырянских диалектах существует тенденция обозначать названия парных частей тела и связанных с ними парных предметов формой мн. числа в отличие от древней модели с употреблением в данном случае формы ед. числа: лл. *с’инйастö торкан* ‘глаза испортишь’; вс. *кокйас кынминыс* ‘ноги замерзли’; сс. *кокйас вис’ны кутис* ‘ноги стали болеть’; уд. *зыртас кокйэссö вирэдз* ‘натрет ноги

до крови'. Нарушение древней модели обозначения парных существительных в некоторых диалектах, вероятно, произошло под влиянием русского языка.

Коми-зырянские диалекты, за исключением удорского диалекта, объединяет употребление суффикса мн. числа существительных *-йас*, функционирующего в вариантах *-ас ~ -йа ~ -а*. К зырянскому диалектному пространству в отношении употребления отмеченного показателя множественности примыкает и верхнекамский диалект, являющийся своеобразной переходной зоной между коми-пермяцкими и коми-зырянскими диалектами. Алломорф *-ас* возникает в результате уподобления звука *й* предыдущему мягкому согласному основы: *кан'* – *кан'н'ас* 'кошка – кошки', *пан'* – *пан'н'ас* 'ложка – ложки'. Данный вариант употребителен во всех диалектах, за исключением присыктивкарского и пограничных с ним среднесысольских, нижневычегодских и верхневычегодских говоров. Варианты суффикса мн. числа *-йа* и *-а* образовались путем выпадения из суффикса *-йас* конечного *с*. Употребление данных алломорфов имеет позиционные ограничения: алломорф *-йа* употребляется в словах с основой на твердый согласный или гласную перед лично-притяжательным суффиксом, либо перед суффиксом аккузатива притяжательного склонения: *т'эрка* – *т'эркайаыс* 'дом – их дома', *пон* – *понйаыд* 'собака – твои собаки'. Вариант *-а* употребляется в аналогичных случаях, только в словах с основой на мягкий согласный: *кан'* – *кан'н'аыд* 'кошка – твои кошки', *кукан'өс* – *кукан'н'аөс* 'моего теленка – моих телят'. Ареал распространения данных алломорфов суффикса мн. числа *-йас* охватывает территорию верхнесысольского и среднесысольского диалектов и образует островной ареал. Аналогичный процесс выпадения конечного звука *з* суффикса мн. числа характерен для коми-пермяцких диалектов (Баталова 1982: 86) и коми-язьвинского наречия (Лыткин 1961: 47).

Суффикс *-йэс (-эс)*, функционирующий в вашкинских говорах удорского диалекта, имеет островной ареал распространения и обнаруживает формальное сходство с коми-пермяцким показателем множественности *-йээ (-ээ)*: уд. *кок-йэс* 'ноги', *вис'ис'с'-эс* 'больные'. Бытующий в мезенских говорах этого диалекта суффикс *-йөс (-өс)*, на наш взгляд, является следствием фонетического преобразования суффикса *-йэс (-эс)* и относится к числу инновационных явлений: *морт-йөс* 'люди', *олис'с'-өс* 'жители'.

Кроме показателя общей множественности *-йас* и вариантов этого суффикса, в некоторых коми-зырянских диалектах для обозначения коллективной (групповой) множественности используется суффикс *-йан (-ан)*: вым. *мамө-ан* 'моя мать и другие с нею'; нв. *бат'э-йан* 'мой отец и другие с ним'; лл. *мамыд-йан* 'твоя мать и другие с ней'. В значении коллективной множественности данный формант используется в словах,

обозначающих термины родства, собственные имена лиц и выражающих коллективную множественность. Распространение суффикса *-йан (-ан)* объединяет северо-западные нижевычегодский и вымский диалекты с самым южным лузско-летским.

Раздел **“Категория притяжательности”** посвящен выявлению особенностей в употреблении лично-притяжательных суффиксов. Незначительные различия между коми-зырянскими диалектами обнаруживаем во внешнем оформлении лично-притяжательных суффиксов. Особый интерес представляют летские говоры, в которых, в отличие от других диалектов, во всех падежных формах сохранился древний *м*-овый притяжательный суффикс 1 лица индивидуального обладания: *йур-ым* ‘голова моя’, *соч-ым-лө* ‘сестре моей’. Единичные случаи употребления форманта *-ым* в номинативе зарегистрированы в вымском и среднесысольском диалектах; они могут свидетельствовать о бóльшей территории бытования данного суффикса в коми-зырянских диалектах в прошлом. Возможно, сохранению древнего притяжательного форманта *-ым* во всех падежных формах в летских говорах способствовало их окраинное расположение.

Среди южных коми-зырянских диалектов особенности в употреблении притяжательных суффиксов наблюдаются в верхнесысольском диалекте и лузских говорах. В данных территориально-языковых разновидностях активно функционируют лишь суффиксы 2 и 3 лица индивидуального обладания *-ыд* и *-ыс*; суффикс 1 лица ед. числа *-өй (-ө)* и суффиксы коллективного обладания *-ным*, *-ныд*, *-ныс* не употребляются. В отношении употребления лично-притяжательных суффиксов южные коми-зырянские диалекты (за исключением летских говоров) обнаруживают общие черты с верхнекамским диалектом, в котором употребительны лишь притяжательные формы 3 лица индивидуального обладания и изредка формы 2 лица ед. числа. Вероятно, в верхнекамском, верхнесысольском диалектах и лузских говорах происходит процесс разрушения системы определенно-притяжательных суффиксов. Общие закономерности в употреблении притяжательных формантов в рассматриваемом ареале, возможно, объясняются былой территориальной общностью и тесными контактами представителей этих диалектов в прошлом.

Наши наблюдения над коми-зырянской диалектной речью, анализ диалектных текстов и материалов свидетельствуют, что последовательное употребление всех форм притяжательных суффиксов наблюдается в северных зырянских диалектах. Причина сохранения и широкого употребления лично-притяжательных суффиксов в данных диалектах, вероятно, заключается в их благоприятном территориальном расположении (имеется в виду их отдаленность от центральных диалектов) и менее интенсивном влиянии русского языка.

В разделе “**Категория падежа**” рассматриваются структурные и семантические особенности падежных форм. В подразделе, посвященном описанию основного склонения существительного, прослеживаются формальные и семантические особенности традиционно выделяемых падежных форм. Определенные различия между коми-зырянскими диалектами обнаруживаются во внешнем оформлении падежей. Возникновение вариативных падежных форм в первую очередь вызвано различием в употреблении в диалектах суффиксальных *э ~ ө* и *ы ~ и*.

Корреспонденция *э ~ ө* в непервом слогe обуславливает существование вариативных форм генитива (*-лөн ~ -лэн*), аккузатива (*-өс ~ -эс*), инструменталя (*-өн ~ -эн*), комитатива (*-көд ~ -кэд*), абессива (*-төг ~ -тэг*), иллатива (*-ө ~ -э*), транзитива (*-өд ~ -эд*) и терминатива (*-өдз ~ -эдз*). Э-овые падежные формы бытуют в ижемском и верхневычегодском диалектах, а также в говоре с. Коквицы нижневычегодского диалекта. Позиционно э-овые алломорфы аккузатива, инструменталя, иллатива, транзитива и терминатива возникают во всех нижневычегодских говорах. Э-овый алломорф терминатива представлен в лузско-летском диалекте, относящемся к *ө*-типу говоров: *көскэдз* ‘до пояса’.

Корреспонденцией *ы ~ и* в непервом слогe в диалектах вызвано образование вариативных форм датива (*-лы ~ -ли*), аблатива (*-лыс' ~ -лис'*), инессива (*-ын ~ -ин*), элатива (*-ыс' ~ -ис'*). И-овые алломорфы регулярно выступают в верхневычегодском диалекте. Падежные формы аблатива и элатива с *и*-овой огласовкой функционируют в удорском диалекте (кроме нижневашкинских говоров); позиционно (после гласных переднего ряда и мягких согласных) варианты инессива *-ин* и элатива *-ис'* возникают в нижневычегодских говорах: *би-ин* ‘в огне’, *пыз'-ис'* ‘из муки’.

В верхневычегодском диалекте большое количество фонетических вариантов присуще падежным формам, имеющим открытую структуру слога: аккузатив (*-эс, -ас, -ос, -с*), инструменталь (*-эн, -ан, -он, -н*), инессив (*-ин, -ан, -он, -ун, -н*), элатив (*-ис', -ас', -ус', -с'*), иллатив (*-э, -а, -о*), транзитив (*-эд, -ад, -д*), терминатив (*-эдз, -адз, -одз, -дз*). Их возникновение обусловлено уподоблением гласного суффикса конечному гласному основы слова в одних говорах (*бал'а-ас* ‘овцу’; *кэрка-ан* ‘в доме’; *му-ус'* ‘из земли’ и др.) и стяжением гласных на стыке основы слова и падежного показателя в других говорах (*кэрка-н* ‘в доме’; *гол'а-дз* ‘по горло’ и др.).

В верхнесысольском диалекте и некоторых нижневычегодских говорах падежные формы аппроксиматива и эгрессива имеют э-овую огласовку: *карлэн'* ‘в сторону города’, *вöрс'эн'* ‘по направлению от леса’. Вариативная форма эгрессива *-с'эн'* бытует и в лузских говорах. Кроме того, в верхнесысольском диалекте нами зафиксирован алломорф *-с'ин'*, развившийся, вероятно, из *-с'эн'*. Необходимо отметить, что в ряду

падежных форм эггессив имеет наибольшее количество диалектных вариантов. Кроме основного показателя *-с'ан'* и его фонетических вариантов, в вымском, ижемском, удорском и лузско-летском диалектах встречается употребление сложных падежных формантов эггессива *-ыс'өдз / -ыс'эдз / -ис'эдз*: вым. уд. *рытыс'өдз*, лл. иж. *рытыс'эдз*, уд. *рытис'эдз* 'с вечера'.

Из специфических диалектных падежных формантов следует отметить 1) суффикс инструментала *-нымйи ~ -ными ~ -ныни*, бытующий в верхневашкинских говорах: *вөвнымйиыс* 'вместе с конем' и 2) суффикс комитатива *-мыд (-мөд)*, функционирующий в лузско-летском диалекте.

Кроме того, в исследуемых диалектах функционируют падежные форманты, характерные для коми-пермяцкой падежной системы. К примеру, в верхнесысольском и лузско-летском диалектах, смежных с коми-пермяцкими, бытует вариативная форма датива *-лө*: *мамлө* 'матери'; в удорском диалекте, территориально отдаленном от коми-пермяцкого диалектного ареала, употребляется алломорф комитатива с глухим согласным в ауслaute *-көт*: *кос'ас'ны ручкөт* 'драться с лисой'; в южных зырянских диалектах распространен преключив на *-с'а*, характерный для всех пермяцких диалектов. Морфологические параллели в смежных пермяцких и южных зырянских диалектах являются свидетельством существования ситуации диалектной непрерывности, при которой общие языковые процессы затрагивали пограничные пермяцкие и зырянские диалекты. Общие языковые явления, затрагивающие территориально отдаленные диалекты пермяцкого и зырянского наречий, свидетельствуют о более древних этнических и языковых связях.

В зырянских диалектах проявляются также функциональные и семантические особенности отдельных падежей, к примеру 1) в ижемском, вымском, печорском, среднесысольском диалектах и летских говорах субъект может быть оформлен показателем датива *-лы* (лет. *-лө*): вым. *Вэсл'аналы кол'и* 'Весляна осталась позади' и др.; 2) в удорском и нижневычегодском диалектах аккузатив функционирует во временном значении: уд. *арсө йиыс кымлө* 'осенью лед замерзает'; 3) в лузско-летском, северных вымском и ижемском диалектах аккузатив может быть оформлен маркером *-лы* (лет. *-лө*), формально тождественным суффиксу датива: лет. *вомлө сотө* 'обжигает рот', вым. *мөслы лыс'тыны* 'доить корову' и др. Формант *-лө* в аккузативной функции выступает и в северных коми-пермяцких диалектах: кп. *жилаэзлө көстө* 'судорога тянет' (Баталова 1982: 102); 4) в удорском диалекте существительное в инструментале может употребляться в качестве компонента сравнительной конструкции: *Өнйа Вэраён жө, т'ат'эй видза* 'Подобно Вере, нянчу ребенка'; 5) в нижневычегодском, присыктывкарском, верхнесысольском диалектах

инструменталь может выражать причину действия: нв. *вис'эмён кули* 'умер от болезни' и др.; б) в верхнесысольском диалекте абессив употребляется для обозначения меры и степени: *дэн'га бырис көпэйкатөг* 'деньги кончились до единой копейки'; 7) в удорском диалекте инессив используется несколько шире, чем в других диалектах а) при сравнении одного предмета с другим: *мыр'ын пукалан* 'сидишь подобно пню'; б) для указания на семейное сходство с кем-либо: *кыкланыс айын* 'оба в отца'; 8) в верхнесысольском, лузско-летском, присыктывкарском, вымском, удорском и ижемском диалектах существительное в форме элатива широко употребляется в значении причины совершения действия: иж. *тыыг'ыс кулэма* 'с голоду умер' и др.; 9) в вымском и удорском диалектах элатив может употребляться вместо падежной формы эгрессива: уд. *шкөлаис'* (вм. *шкөлас'ан'*) *да йагэдз* 'от школы до леса' и др. 10) функционирование аппроксиматива в удорском диалекте в значении причины: *шоглан'ыс вис'мас* 'с горя заболевает'; 11) в южных зырянских диалектах, как и в коми-пермяцких, эгрессив используется для выражения причины: лл. *кырым'яс д'эгдөнө вас'ан'ыс* 'руки мерзнут от воды' и др.; 12) в южных зырянских диалектах сравнительные отношения выражаются преклюзивом вместо элатива других диалектов: луз. *бис'а гөрдыд* 'краснее огня' и др.

Подраздел **“Притяжательное склонение”** посвящен рассмотрению особенностей в образовании падежных форм притяжательного склонения. Анализ языкового материала показывает, что в некоторых диалектах суффиксы аккузатива, инструменталю, иллатива и инессива притяжательного склонения имеют специфические альтернативные формы, представляющие собой композицию а) падежного суффикса основного склонения и притяжательного суффикса (-*өн-ыд* вм. -*над*; -*ыс-ө* вм. -*ас*; -*ым-ын* вм. -*ам*; -*ным-ын* вм. -*аным*); б) падежного суффикса притяжательного и основного склонений (-*над-өн* вм. -*над*; -*нас-өн* вм. -*нас*); в) притяжательного суффикса и падежного суффикса притяжательного склонения (-*ыс-сө* вм. -*сө*; -*ыд-над* вм. -*над*). Возможно, возникновение этих альтернативных форм обусловлено влиянием других падежных форм притяжательного склонения, в которых падежный и притяжательный суффиксы соединяются путем простого примыкания.

Помимо функционирования специфических притяжательных форм, в зырянских диалектах зачастую наблюдаются колебания в порядке следования посессивных и падежных суффиксов, и как следствие этого – функционирование вариативных падежных форм притяжательного склонения. Диалектные материалы свидетельствуют о высокой вариативности в порядке следования притяжательных и падежных суффиксов в удорском, вымском, ижемском и среднесысольском диалектах; тенденция к зафиксированному порядку морфем наблюдается в присыктывкарском, печор-

ском, верхнесыольском диалектах. Следует отметить, что колебания в порядке следования рассматриваемых суффиксов наблюдаются и в коми-пермяцких диалектах: косинско-камском и оньковском (Дмитриева 1998: 96; Баталова 1990: 87).

В разделе **“Суффиксы субъективной оценки существительных”** с точки зрения территориального распространения рассмотрены суффиксы с уменьшительно-ласкательным и пренебрежительным значениями. Наиболее распространенными суффиксами с уменьшительно-ласкательным значением в коми-зырянских диалектах являются суффиксы *-тор* и *-ук*. Они не имеют локальных ограничений, употребляются во всех диалектах. Кроме указанных формантов, в диалектах бытуют специфические уменьшительно-ласкательные суффиксы, распространенные лишь в одном либо двух–трех территориально смежных диалектах.

В центральных зырянских диалектах и литературном языке пренебрежительный оттенок передается посредством суффикса *-шой*, имеющего вариант *-шуй* (нв. вв. печ.). В ареале северных диалектов (вым., уд., иж.) пренебрежительный оттенок, как правило, передается полными лексемами: *л'ок кэрка* ‘плохой дом’, *кис'с'ом сапöг* (иж. *кис'с'эм сапэг*) ‘старые сапоги’. В южных верхнесыольском и лузско-летском диалектах, а также в территориально смежных с ними среднесыольских говорах оттенок пренебрежения передается суффиксом *-шön*: *шкапшön* ‘худой шкаф’. В присыктывкарском диалекте в значении пренебрежительного суффикса может употребляться формант *-код?*: *мужиккод?* ‘так называемый муж’.

Глава 2 “Прилагательное” состоит из трех разделов и посвящена рассмотрению диалектных характеристик прилагательного. В первом разделе **“Множественное число прилагательных”** рассмотрено территориальное распространение вариантов суффикса множественности прилагательных *-öс'*, *-эс'*, *-ас'* и *-с'*.

В разделе **“Категория степеней сравнения”** анализируются способы выражения в диалектах положительной, сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательного. Прилагательное в форме позитива выражает качество, признак предмета без указания на меру и степень и не имеет специального показателя.

Наиболее распространенным способом образования сравнительной степени прилагательного является суффиксальный. Маркером компаратива является суффикс *-джык*, представленный в зырянских диалектах следующим вариативным рядом: *-джык* / *-джик* / *-джыг* / *-жык*. В удорском, нижевычегодском, присыктывкарском, печорском, среднесыольском, верхнесыольском диалектах и лузских говорах суффиксы компаратива *-джык* и *-жык* функционируют в качестве вариантов. В

северных вымском и ижемском диалектах бытует показатель компаратива *-джык*, не имеющий фонетического варианта *-жык*. Верхневыхегодский диалект отличается *и*-овой огласовкой компаративного суффикса прилагательных: *мичаджик* 'красивее'. Аналогичный маркер компаратива употребляется и в коми-язвинском наречии: *пхмджик* 'более горячий' (Лыткин 1961: 57).

В печорском и верхневыхегодском диалектах нами зафиксирован аналитический способ выражения сравнительной степени прилагательного, заимствованный из русского языка. Данный способ представляет собой сочетание частицы *бӧл'э / бӧл'ӧ* (< рус. *более*) и прилагательного в основной либо компаративной форме: *бӧл'ӧ бур* 'более хороший'.

Суперлатив в зырянских диалектах образуется как аналитическим, так и синтетическим способом. Синтетический способ образования суперлатива состоит в присоединении к прилагательному в основной форме приставки *мэд-* 'самый, наи-': *мэдыджыд* 'самый большой'. Аналитическая форма суперлатива в коми-зырянских диалектах образована с помощью частицы *мэс'а* 'самый', имеющей множество фонетических вариантов: скр. вв. сс. вс. лл. *мэс'а*; вым. вс. *мэчча*; уд. иж. *мэт'ча*; нв. *мэд'ча*, *мэд'чэн*; вс. *мэс'ама*; лет. *мэдыс*'. В ижемском, лузско-летском и верхнесысольском диалектах превосходная степень прилагательного может быть выражена одновременно показателями превосходной и сравнительной степеней: вс. *мэпӧрыс'жык* 'самый старей (букв. самый более старей)'; лл. *мэдмичаджыг* 'самый красивый'; иж. *мэджал'джык* 'самый любимый'. Аналогичные конструкции отмечены в мысовско-лупьинском диалекте (Пономарева 2002: 106). В верхнесысольском диалекте и летских говорах встречается комбинированное употребление в одной конструкции приставки *мэд-* и частицы *мэс'а*: вс. *мэс'а мэдлӧс'ыд* 'самый-самый хороший'; лет. *мэдыс' мэпӧрыс'* 'самый-самый старей'. Подобные конструкции представителями вышеназванных говоров употребляются для усиления превосходной степени сравнения. В зырянских диалектах суперлатив выражается также посредством заимствованной частицы *самӧй* (иж. вв. вым. нв. уд. *самэй*): лл. скр. *самӧй вэрнӧй друг* 'самый верный друг' (ССКЗД: 330). Данный способ образования суперлатива широко распространен во многих финно-угорских языках. Кроме аналитического и синтетического способов, в коми-зырянских диалектах встречается синтаксический способ образования суперлатива. Значение превосходной степени может передаваться 1) сочетанием обобщенно-определяющих местоимений *став*, *быдӧн* в форме элатива (южн. кз. преклюзива) и прилагательного в позитиве (*ставс'ыс / ставс'аыс йон*); 2) сочетанием местоимений *став*, *быдӧн*, существительного в форме элатива (южн. кз. преклюзива) и прилагательного в позитиве (суперлативе) (*став пус'ыс / пус'аыс мича*).

Степени качества прилагательного рассмотрены нами в разделе **“Категория степеней качества”**. В диалектах, как и в литературном языке, функционирует трехчленная категория степеней сравнения. Степень полноты качества выражена основной формой прилагательного и указывает на признак, качество предмета, присущее ему в полной мере.

Степень неполноты качества, указывающая на недостаточность качества, признака в предмете, в диалектах в основном передается суффиксами, имеющими ограничительное значение. Широко распространенными являются суффиксы *-ов* (скр. нв. уд. вв. лл. (Чит. Об.) *-ов*; лл. вс. сс. вв. печ. *-ол*; иж. вым. вв. *-оо*), *-оват* (вым. иж. печ. вв. скр. *-оват*; уд. *-öват*; лл. *-оватöй*; вв. *-оватэй*); *-код'* (лл. вс. скр. печ. вв. *-код'*; вым. иж. вв. *-койд*). Значение неполноты качества характерно не для всех случаев употребления прилагательных с суффиксом *-код'*. Многие прилагательные, оформленные этим суффиксом, имеют значение достаточного или вполне достаточного качества: *тайö нылыс мичакод'* ‘эта девушка довольно красивая’.

Локально ограниченным в зырянских диалектах является суффикс неполноты качества имен прилагательных *-гов* (скр. нв. вв. *-гов*; вв. *-гол*; иж. вв. *-гоо*); скр. нв. вв. *йэджгов* ‘беловатый’; иж. вв. *йэджгоо* ‘беловатый’; вв. *йэджгол* ‘беловатый’. Данный суффикс не представлен в южных зырянских и коми-пермяцких диалектах. Изоглосса суффикса *-гов* и его вариантов образует компактный замкнутый ареал, возможно, инновационного характера. Предполагаем, что суффикс *-гов* (*-гол*, *-гоо*, *-го*) является вариантом суффикса *-ов* (*-ол*, *-оо*, *-о*). На наш взгляд, согласный *г* в составе суффикса *-гов* и его вариантов первоначально функционировал в качестве буферного согласного.

Территориально ограниченный характер употребления имеет суффикс *-гöм* (иж. *-гэм*). Данный формант характерен для лузско-летского, верхнесысольского, присыктывкарского, нижевычегодского, вымского и ижемского диалектов: *курыдгöм* ‘горьковатый’; иж. *н'ыгэм* ‘тепловатый’. Суффикс *-гöм* характерен и для верхнекамского диалекта, где функционирует в сфере наречий и прилагательных: *ылынгöм* ‘далековато’. Аналогичный суффикс в компаративной и модеративной функциях употребляется в удмуртских диалектах (Кельмаков 1998: 129, Ефремов 2002: 11). Наиболее распространенным суффикс *-гöм* является в лузско-летском диалекте, что может свидетельствовать о его распространении в ареале зырянских диалектов именно с территории этого диалекта. Изоглосса распространения суффикса *-гöм* (*-гэм*) в зырянских диалектах образует разорванный ареал. Разрыв обнаруживается на территории среднесысольского диалекта. Такие очертания ареала свидетельствуют либо об исчезновении суффикса *-гöм* в среднесысольском диалекте, либо о

функционировании этого суффикса в некоем отсутствующем в настоящее время связующем звене между южными и северными диалектами.

Кроме указанных суффиксов в некоторых диалектах бытуют специфические суффиксы со значением неполноты качества, не получившие широкого распространения: печ. *-ыд*: *ул'ыд* 'сыроватый'; вв. *-эб*: *вижэб* 'желтоватый'; сс. *-пыдса*: *кыпыдса* 'сыроватый'; уд. иж. *-джык*: *дышдзык* 'немного ленивый'.

К суффиксам неполноты качества относятся также уменьшительно-ласкательные суффиксы. В большинстве зырянских диалектов (лл. вс. сс. скр. печ. вв.) уменьшительно-ласкательными формантами являются суффиксы *-ик*, *-н'ик*, *-ин'ик*: *мичан'ик* 'красивенький' и др. Отмеченные суффиксы не распространены в северо-западных диалектах и являются малоупотребительными (кроме суффикса *-ик*) в ареале верхнесыольского и лузско-летского диалектов. В ареале северо-западных диалектов функционирует суффикс *-индзи*, представленный алломорфами *-ин'дзык* (иж.); *-эн'дзи*, *-өн'дзи*, *-ин'дзи* (вым.); *-ин'дзик* (вым. нв.); *-н'дзи* (вым. уд.), *-индзи*, *-д'дзи* (уд.): *л'окин'дзи* 'худенький' и др.

Подраздел "Степень усиления качества". Данная степень указывает на усиление, избыток признака без сравнения с качеством другого предмета и выражается в коми-зырянских диалектах тремя способами: 1) суффиксами со значением высокой степени качества; 2) редупликацией основ прилагательного; 3) словами-усилителями.

В коми-зырянских диалектах морфологический способ выражения высокой степени качества, признака не является распространенным. К суффиксам со значением преобладания признака относятся: 1) повсеместно распространенный суффиксоид *-вэвйа* (скр. нв. вв. уд. л. (Чит. Об.) *-вэвйа*; вс. лл. вв. печ. сс. *-вэля*; лет. *-вэл*, уд. *-вэйтa*), употребляющийся преимущественно с прилагательными, обозначающими цветовые характеристики: *лөзвэвйа* / *лөзвэля* / *лөзвэйтa* / *лөзвэл* 'с преобладанием синего цвета'; 2) компаративный суффикс *-джык*, употребляющийся в удорском диалекте со значением преобладания качества: *визувджык т'ат'эйыс* 'ребенок довольно шаловливый'.

При редупликации прилагательные сочетаются либо в основной форме (*мича-мича* 'красивый-красивый'), либо предшествующее прилагательное принимает один из следующих формантов: 1) падежный показатель элатива *-ыс* (*-с'ыс*) (в южных диалектах – преклюзива *-с'а*): *йоныс'* / *йонс'а* / *йон* 'сильный-сильный' (уд. вым. иж. скр. печ. лл.); 2) словообразовательный суффикс наречий *-а*: *бура бур* 'очень хороший' (уд. скр. лл.); 3) словообразовательный суффикс прилагательных *-төм*: *гырыс'төм* / *гырыс'* 'очень крупный' (печ.). В ряде диалектов при редупликации при-

лагательные могут соединяться посредством соединительного союза *да* (скр.), послелогов *кын'дзи / кин'н'а* (лл. вым.) и *вылӧ* (скр.), частицы *н'э* (лл.).

Довольно широко степень усиления качества выражается сочетанием имени прилагательного с зависимым словом-усилителем. В качестве слов-усилителей в зырянских диалектах могут выступать 1) наречия образа действия и степени (*зэв* 'очень', *вывти* 'слишком', *л'ока* 'плохо' и др.); 2) существительные (*би* 'огонь', *ва* 'вода' и др.); 3) усилительные частицы (*ой-ой* и др.); 4) числительные (*кык* 'два', *с'о* 'сто'); 5) фразеологические сочетания (*му пыр пэтӧм* 'взошедший сквозь землю' и др.); 6) деепричастия (*полдзымӧн* 'такой (какой-л.), что можно испугаться' и др.); 7) прилагательные (*мича* 'красивый' и др.). Общеупотребительными словами-усилителями для выражения высокой степени качества, признака в коми-зырянских диалектах являются наречия *вывти* (скр. вв. нв. лл. (Об. Чит.) *вывти*; вым. иж. вв. *выйти*; вс. сс. лл. *вылти*) 'слишком' и *зэв* (скр. вв. нв. лл. (Об. Чит.) *зэв*; вс. лл. сс. вв. *зэл*; вым. иж. вв. *зэй*; вым. *зээ*) 'очень'. Кроме основных слов-усилителей с общим значением 'очень, слишком, довольно, чрезмерно', для каждого из коми-зырянских диалектов характерны свои специфичные слова-усилители, употребляемые для передачи высокой степени качества, признака. В целом, в диалектах функционирует огромное количество разнообразных кванторных слов, используемых для выражения степени усиления качества, признака. Они обнаруживают различия с точки зрения происхождения (заимствованные / исконные), территориального распределения (локально ограниченные / повсеместно распространенные) и дистрибуции (широкие сочетательные возможности / ограниченные сочетательные возможности).

В Главе 3 "**Числительное**" рассматриваются морфологические характеристики данной части речи. Диалектные различия в области функционирования числительных сводятся к следующему: 1) вариативные диалектные формы имеют простые числительные *ӧт'ук* (*ӧт'ук*, *ӧт'и*; вым. иж. *ӧтик*, *ӧти*) 'один', *куйм* (вым. иж. *куим*) 'три', *квйт* (лл. вс. сс. печ. *кват*) 'шесть' и *ӧкмыс* (вым. иж. *окмыс*) 'девять', *с'урс* (нв. вым. иж. лл. вс. *тыс'ача*, тыс'эча; сс. *дасс'о*) 'тысяча'; 2) в верхневычегодском диалекте числительные 8, 9, 30, 40, 50, 60 в первом слоге имеют гласную *и*, в отличие от других зырянских диалектов: *кӧкйамис* 'восемь', *комин* 'тридцать', *вэтымин* 'пятьдесят'; 3) к структурной группе сложных числительных относятся числительные *куимдас* 'тридцать', *н'ол'дас* 'сорок', *витдас* 'пятьдесят', *кват'дас* 'шестьдесят', бытующие в лузско-летском и верхнесысольском диалектах, а также в говорах сс. Куратово и Палауз среднесысольского диалекта. В остальных диалектах рассматриваемые числительные являются непроезводными, образованы посредством деэтимологизированного форманта *-мын* 'десять' и относятся к

простым числительным: *комын* ‘тридцать’ и др. Образование названия десятков с помощью форманта *-дас* наблюдается также в пермяцких диалектах и нижнечепецком говоре удмуртского языка; 4) порядковые числительные образуются от количественных числительных с помощью суффикса *-öd*: *койм-öd* ‘третий’, в ижемском и верхневыхегодском диалектах функционирует его фонетический вариант *-эд*: *койм-эд* ‘третий’; 5) в некоторых среднесысольских говорах при обозначении даты вместо порядковых числительных могут употребляться количественные: *öt’u тыс’ача öмысс’о дас кум* (вм. *коймöd*) *воын* ‘в тысяча девятьсот тринадцатом году’; 6) собирательные числительные как в литературном языке, так и в диалектах образуются от количественных посредством суффикса *-нан*; в удорском диалекте наряду с общераспространенным формантом *-нан* функционирует суффикс *-лан*: *кыклан нылыс* ‘обе дочери’; 7) процесс утраты исконной системы коми числительных и ее замены системой русских числительных, находящийся в стадии завершения в коми-пермяцких диалектах, затрагивает и зырянские диалекты. Наиболее сохранившейся система коми числительных является в северных вымском и ижемском диалектах.

Четвертая глава диссертационной работы “**Местоимение**” посвящена рассмотрению диалектной вариативности и функциональных особенностей различных разрядов местоимений. В работе используется классификация местоимений, принятая в современной научной грамматике коми языка (ÖКК). Данная глава состоит из четырех разделов, в которых рассмотрены диалектные особенности субстантивных, адъективных, количественных и адвербиальных местоимений.

В диалектах функционируют все разряды местоимений, выделяемые в литературном языке. Основные различия сводятся к их фонетическому оформлению, структурным и функциональным особенностям.

Субстантивные местоимения. Данный раздел посвящен выявлению диалектных особенностей местоимений, указывающих на предмет или лицо.

1. Личные местоимения, за исключением местоимений 1 и 2 лица ед. числа, в диалектах представлены большим количеством вариативных форм. В большинстве диалектов, как и в литературном языке, значение грамматического числа личных местоимений передается супплетивно: *мэ – ми* (вс. сс. *мийö*) ‘я – мы’; *тэ – ти* (вс. сс. *тийö*) ‘ты – вы’; *сийö – найö* ‘он, она – они’. В удорском и среднесысольском диалектах наряду с этим способом отмечается морфологический способ образования формы мн. числа местоимения 3 лица посредством субстантивного показателя множественности: уд. *си-йэс / си-йöс* и др.; сс. *сийö-йас* ‘они’. Кроме того, во многих диалектах (сс. скр. нв. уд. вв. печ.) местоимение 3 лица мн. числа

может быть образовано от *n*-овой основы, уже содержащей значение множественности, и суффикса мн. числа существительных: сс. вв. *най-йас*; печ. *на-йас*; скр. нв. *на-йан*; уд. *на-йэс* 'они'.

Наиболее значительные особенности в склонении личных местоимений сводятся к следующему: 1) отличие падежных форм инструменталю, комитатива, абессива, конзеркутива, инессива, элатива, иллатива, аппроксиматива, эгрессива, терминатива и преклюзива местоимений 1 и 2 лица ед. числа в диалектах обусловлено выбором основы – номинативной либо генитивной: в лузско-летском диалекте и южных говорах среднесысольского диалекта они образуются от генитивной основы (*мэнамён* 'мною', *тэнадла* 'за тобой' и др.), в остальных диалектах – от номинативной (*мэён* 'мною', *тэла* 'за тобой'); 2) в северных диалектах датив местоимений 1 и 2 лица мн. числа совпадает с генитивной формой: *мийан* 'наш, вам', *тийан* 'ваш, вам'; в остальных диалектах он образован от генитивной основы посредством субстантивного показателя датива *-лы* (вв. *-ли*, лл. вс. *-лө*): сс. скр. печ. *мийанлы*, вв. *мийанли*, лл. вс. *мийанлө* 'нам'; сс. скр. печ. *тийанлы*, вв. *тийанли*, лл. вс. *тийанлө* 'вам'. Аналогичная картина наблюдается в удмуртских диалектах: сев. *мил'эм* 'наш, нам', *тил'эд* 'ваш, вам'; южн. *мил'эмлы* 'нам', *тил'эдлы* 'вам' (Кельмаков 1998: 135); 3) в южных, присыктивкарском, верхневычегодском и печорском диалектах аблатив личных местоимений 1 и 2 лица мн. числа образован от генитивной основы посредством субстантивного показателя аблатива *-лыс* (вв. *-лис*): *мийанлыс* (вв. *мийанлис*) 'у нас', *тийанлыс* (вв. *тийанлис*) 'у вас'; в северных диалектах (нв. вым. иж. уд.) указанные формы образованы посредством суффикса элатива лично-притяжательного склонения: нв. уд. *мийанс'иным*, вым. *мийанс'ыным*, иж. *мийан'чунум*, уд. *мис'иным*, *мис'ыным* 'у нас'; нв. уд. *тийанс'иныйд*, вым. *тийанс'ыныйд*, иж. *тийан'чыныйд*, уд. *тис'иныйд*, *тис'ыныйд* 'у вас'; 4) косвенные падежные формы личного местоимения 3 лица мн. числа в лузско-летском и верхнесысольском диалектах образованы от полных основ лл. *н'ида*, вс. *н'ийа* 'они': лл. *н'идалён* 'у них' и др.; вс. *н'ийалыс* 'у них' и др.; в вымском, ижемском и верхневычегодском диалектах – от кратких: иж. *нылэн* 'у них', *ныкэд* 'с ними', *нытэгйа* 'без них'; вым. *налыс* 'у них', *накөд* 'с ними'; вв. *наэн* 'ими', *наэдз* 'до них' и др.; в среднесысольском, присыктивкарском, нижневычегодском и печорском диалектах наблюдается параллельное употребление местоимений, образованных от полной и краткой основ: сс. *нийаён* – *наён* 'ими', *нийатөг* – *натөг* 'без них'; скр. *найёлён* – *налён* 'у них', *найёлыс* – *налыс* 'из них'; нв. *найанлы* – *налы* 'им', *найанс'ан* – *нас'ан* 'от них'; печ. *найаён* – *наён* 'ими', *найала* – *нала* 'за ними'.

В диалектах наблюдаются случаи влияния парадигмы субстантивного склонения на парадигму склонения личных местоимений. К примеру,

1) в нижевычегодском диалекте встречаются местоименные формы *мэнлы* 'мне', *милён* 'у нас', *тилён* 'у вас', образованные по аналогии с формами датива и генитива существительного; 2) в среднесысольском диалекте генитив личных местоимений 1 и 2 лица мн. числа образован посредством субстантивного показателя генитива *-лён*: *мийанлён* / *мийанйаслён* 'у нас', *тийанлён* / *тийанйаслён* 'у вас' (ср. др. кз. *мийан* 'у нас', *тийан* 'у вас'); 3) в лузско-летском диалекте функционируют местоименные формы *мэнёс* 'меня', *тэнёс* 'тебя', образованные по аналогии с аккузативной формой на *-ёс* существительных и др.

2. Основные особенности в склонении усилительно-личных местоимений следующие: 1) в лузско-летском диалекте косвенные падежные формы усилительно-личных местоимений, кроме аблатива, датива и аккузатива, образованы от генитивных основ: *асластөг* 'без него самого' и др.; в остальных диалектах – от номинативной (краткой либо полной): *астөгыс* / *ачыстөг* 'без него самого'; 2) в верхнесысольском диалекте косвенные падежные формы местоимений ед. и мн. числа, кроме генитива, аблатива и датива, преимущественно образуются от полных номинативных основ: *ачымён* 'собой самим' и др.; в ареале вымского, удорского, ижемского, верхневычегодского и печорского диалектов, как правило, используются краткие основы *ас-*, *ас'-*: *асён* / *аснам* 'собой самим' и др.; смешанное образование отмеченных форм, как от полных, так от кратких основ, наблюдается в среднесысольском, присыктывкарском и нижевычегодском диалектах.

3. В коми-зырянских, как и в других пермских диалектах, разграничение указательных местоимений происходит посредством основ на *т-* и *с-*: основа с *т* служит для обозначения ближнего локального плана (*тайа*, *тайё*, *та* 'этот'), *с*-овая основа обозначает более дальний локальный план (*сийа*, *сийё* 'тот'). Исключение составляют ижемский, удорский и нижевычегодский диалекты, в которых от *т*-овой основы образуются местоимения дальнего плана. В этих диалектах разграничение указательных местоимений происходит посредством гласных основы: гласный *а* содержат в основе местоимения ближнего плана (*тайа*, *этайа*, *эта* 'этот, вот этот'); гласные *и*, *ы* – местоимения дальнего плана: иж. *этийа*, *этийи*, *эты* 'вон тот'; нв. *тыйа* 'тот (более отдаленный)', *этийа*, *этия* 'вон тот (отдаленный)'; уд. *тийа кык ныльд* 'те две девушки', *этийа* 'вон тот'.

В ижемском и вымском диалектах наблюдается функционирование указательных местоимений с *н*-овой основой. В ижемском диалекте от данной основы образуются местоимения как ближнего (в основе гласный *а*), так и дальнего плана (в основе гласный *и*): *энайа*, *эна* 'вот эти'; *энийа*, *энийи*, *эны* 'вон те'; в вымском диалекте – только указательные местоимения ближнего плана: *энайа*, *эна* 'эти'. Указательные местоимения с

н-овой основой бытуют также в коми-язьвинском наречии и коми-пермяцких диалектах: *эна* 'эти', *ни́а* 'те' (Лыткин 1961: 63); кп. *да и н'э өд'д'өн мэ вэ́рита э́на каскиэзвö* 'не очень-то я верю этим сказкам' (КПГ: 20).

4. В целом система обобщительно-определяющих местоимений в коми-зырянских диалектах тождественна. Общеупотребительны в коми-зырянских диалектах местоимения, образованные от основ *став-* и *быд-*. Из специфических местоименных форм следует отметить следующие: 1) лл. вс. скр. нв. вым. уд. *вэс'*, *вэс'өн*, *вэс'ыс* 'все, все'; 2) лл. *йойк*, *йойкөн* (Сл.), *йок* (Пр.), *йöк* (Лет.) 'все, все'; 3) уд. *скөн'*, *көн'* 'все, все'.

5. Субстантивные вопросительно-относительные местоимения в диалектах не имеют особых формальных различий. Повсеместно употребляются местоимения *коди*, *код* 'кто' и *мый* 'что'. Местоимение *коди* 'кто' представлено вариативными формами *код* (повсеместно), *кóдэ* (вс.), *кой* (уд.). В лузско-летском и верхнесысольском диалектах функционирует местоимение *кин* (лл. *кিনি*) 'кто', употребление которого является характерной чертой коми-пермяцких и удмуртских диалектов. Местоимение *мый* 'что' представлено в диалектах фонетическими вариантами *мöй* (луз. вс. сс. нв. вв.), *муй* (лет. уд.), *май* (уд.).

6. Повсеместно употребительными отрицательными субстантивными местоимениями являются формы *н'экод* (иж. *н'икод*) 'никто', *н'инöм* (иж. вв. *н'инэм*) 'ничего'. От местоимения *н'экод* (иж. *н'икод*) посредством лично-притяжательных суффиксов коллективного обладания *-ным*, *-ныд*, *-ныс* образуются употребляемые во всех диалектах личные формы *н'экодным* 'никто из нас', *н'экодныд* 'никто из вас', *н'экодныс* 'никто из них', а также формы с суффиксом *-нан-*: *н'экоднаным* 'никто из нас', *н'экоднаныд* 'никто из вас', *н'экоднаныс* 'никто из них двоих'. Отличия данных местоименных форм в зырянских диалектах касаются лишь фонетической огласовки лично-притяжательных формантов. Кроме вышеуказанных местоимений, в диалектах широко употребляются местоимения *н'эмтор*, *н'инöмтор* 'ничего'. В ареале южных диалектов наряду с отмеченными функционируют местоимения *н'эм* 'ничего' и *н'экин* 'никто', характерные для коми-пермяцких диалектов.

Специфические диалектные формы отрицательных местоимений 1) сс. *н'эмс'а*, *н'имс'а*, *н'эмыс'* 'ничего'; 2) вым. *н'имöн*, иж. вв. *н'имэн* (возникли в результате метатезы от *н'инöм* (иж. вв. *н'инэм*)).

В среднесысольском, верхневыхегодском и удорском диалектах наблюдаются случаи образования отрицательных местоимений посредством префиксов сс. *н'инö-*, уд. *н'ийö-*, вв. *н'инэ-*. Примеры: сс. *н'инöкод*; уд. *н'ийöкоди*, *н'инöкоди*; вв. *н'инэкод* 'никто'. Приставку *н'инö-* обнаруживает и повсеместно распространенное местоимение *н'инöм* (иж. вв. *н'инэм*) 'ничего'. Рассматриваемые отрицательные префиксы обнару-

живают формальное сходство с префиксом *н'эно-* (*ни'но-*), который употребляется в некоторых удмуртских диалектах (Кельмаков 1998: 139).

7. Во всех диалектах неопределенно-личные местоимения образованы от соответствующих вопросительно-относительных местоимений путем присоединения к основе частиц *кӧ* (иж. вв. *кэ*) или *с'урӧ* (иж. вв. *с'урэ*): *мыйкӧ* (вв. иж. *мыйкэ*) 'что-то', *кодкӧ* (иж. вв. *кодкэ*) 'кто-то', *мыйс'урӧ* (иж. вв. *мыйс'урэ*) 'что-либо', *кодс'урӧ* (иж. вв. *кодс'урэ*) 'кто-либо'. В южных зырянских диалектах данная группа местоимений образуется также посредством заимствованной русской частицы *н'эбуд'* (*н'энабуд'*) < рус. *нибудь*: в.с. лл. *мӧй-н'энабуд'*; лл. *муйӧн-н'эбуд'* 'чем-нибудь'. В лузско-летском и среднесысольском диалектах для образования неопределенных местоимений употребляются также частицы *-йа* (*-йа-йа*) и *-са*: лл. *кин-йа* 'кто-то', *мӧй-са* 'неизвестно что'; сс. *мый-йа*, *мый-йа-йа* 'неизвестно что'; *код-йа* 'неизвестно кто'.

Раздел "**Адъективные местоимения**" посвящен анализу диалектного варьирования местоименных форм, указывающих на признак, качество предмета.

1. Из особенностей в функционировании усилительно-притяжательных местоимений следует отметить следующее: 1) в верхнесысольском диалекте и некоторых среднесысольских говорах в.с. *асланым* 'свой, наш' употребляется форма *асламын*, возникшая в результате метатезы; 2) в говоре с. Читаево лузско-летского диалекта в функции притяжательных местоимений употребляются также дативные формы: *аслым* (в.с. *асс'ым*) *мон'ӧс* 'свою невестку'.

2. Состав адъективных вопросительно-относительных местоимений тождественен во всех диалектах. Некоторые расхождения наблюдаются в их фонетическом оформлении. Местоимение *кутшӧм* 'какой' представлено в диалектах фонетическими вариантами *кутшэм* (иж. вв.), *кутшӧм* (в.с. сс.), *кутшӧ* (лл. уд.), *кутшӧми* (лл. в.с. сс.), *кутшӧмик* (вым.), *кутшэй* (уд.), *кутшэйа* (уд.). В ареале южных, а также присыктывкарского, верхневыхегодского и печорского диалектов употребляется местоимение *мыйс'ама* 'какой, что за', представленное вариантами *мыйс'ама* (скр. вв. печ.), *мыс'эма* (вв.), *мус'эма* (скр.), *муйс'ама* (лет.), *мӧс'а* (в.с.).

3. Адъективные неопределенные местоимения образованы от соответствующих вопросительных местоимений посредством неопределенных частиц лл. в.с. сс. скр. нв. вым. уд. печ. *-кӧ*, *-с'урӧ* (вв. иж. нв. *-кэ*, *-с'урэ*). В верхнесысольском диалекте неопределенная частица *-с'урӧ* может употребляться в форме *-с'урас*: *кутшӧмс'урас* 'кое-какой'. В лузско-летском и среднесысольском диалектах рассматриваемые местоимения образуются также при помощи неопределенных частиц *-йа* и *-са*: лл. *кутшӧм-са* 'неизвестно какой'; сс. *кутшӧм-йа*, *кутшӧм-йа* 'кто знает, какой'.

4. Адъективные отрицательные местоимения в зырянских диалектах, за исключением ижемского, образуются от соответствующих вопросительных местоимений посредством приставки *н'э-*: *н'экутишöм* 'никакой', *н'экоднан* 'никоторый'. В ижемском диалекте они образуются с помощью притавки *н'и-*: *н'икутишэм* 'никакой'. В верхневыхегодском диалекте, ряде говоров среднесысольского диалекта и мезенских говорах отрицательные адъективные местоимения могут образовываться также с помощью приставок сс. *н'инö-*, вв. *н'инэ-*, уд. *н'иö-*: сс. *н'инöкутишöм*, вв. *н'инэкутишэм*, уд. *н'инöкутишöм*, *н'иöкутишöм* 'никакой'.

5. Из специфических обобщительно-определятельных местоимений следует отметить местоимения 1) *быткутишö* и *быткойа* 'всякий', функционирующие в удорском диалекте; 2) *бэрс'а*, *бэрс'ама* 'всякий', бытующие в лузско-летском диалекте в говоре с. Куратово среднесысольского диалекта. В настоящее время в диалектах широко употребляется заимствованное из русского языка местоимение *каждöй* (сс. лет. нв. скр. *кажнöй*, вв. вым *кажнэй*) 'каждый'; в верхнесысольском и среднесысольском диалектах – также местоимение *с'акöй* (< рус. *всякий*), широко представленное в соседних коми-пермяцких диалектах.

6. Состав адъективных указательных местоимений в диалектах тот же, что и в литературном языке; незначительные расхождения наблюдаются в их фонетическом оформлении. Местоименные формы без конечного *м*: *татишö* 'такой', *сэтишö* 'такой', *этишö* / *эштишö* 'вот такой', бытующие в удорском и лузско-летском диалектах, обнаруживают формальное тождество с удмуртскими указательными местоимениями *тахе* 'такой', *сыхе* 'такой, подобный'. Как правило, в диалектах и в литературном языке *т*-овые местоименные основы относятся к ближнеуказательным местоимениям, *с*-овые – к дальнеуказательным. В лузско-летском и среднесысольском диалектах *т*-овые адъективные указательные местоимения могут обозначать признак отдаленного предмета. Разграничение ближне- и дальнеуказательных местоимений происходит посредством гласного основы: гласный *а* присутствует в основе ближнеуказательных местоимений, гласный *ы* – в основе дальнеуказательных (*татишöм* 'такой' – *тытишöм* 'вон такой').

В разделе "**Квантитативные местоимения**" рассмотрены вариативные формы местоимений, указывающих на количественные характеристики предметов.

Большим количеством вариативных форм представлены вопросительные местоимения *кымын* и *мыйта* 'сколько'. Из специфических квантитативных местоимений следует отметить: 1) вопросительное местоимение *мöйэти* (лет. *муйэти*, *муйöти*; сс. *мыйöти*) 'сколько', бытующее в южных зырянских диалектах; 2) указательное местоимение *сыкымын*

‘столько’, характерное для вымского диалекта: *сыкымын морт сэн вöли* ‘столько людей там было’; 3) указательные местоимения *сы мый* ‘столько’ и *экымын* ‘вот сколько’, функционирующие в ижемском диалекте.

В вымском диалекте в значении ‘столько’ может быть употреблено также субстантивное вопросительное местоимение *мый* ‘что’: *уткаыс мый лэбö* ‘столько уток летит’.

Неопределенные квантитативные местоимения образуются от соответственных вопросительных местоимений посредством частицы *-кö* (иж. вв. *-кэ*): сс. скр. нв. вым. печ. уд. *кымынкö*; иж. *кымынкэ*; вв. *кымынкэ*; вс. лл. уд. *кынымкö* ‘сколько-то, сколько-нибудь’. В лузско-летском и среднесыольском диалектах рассматриваемые местоимения могут образовываться также при помощи частиц *-йа* и *-са*: лл. *кымынса*, лл. сс. *кымынйа* ‘неизвестно сколько’.

Раздел “**Адвербиальные местоимения**” посвящен рассмотрению диалектных особенностей местоимений, заменяющих наречия. Адвербиальные местоимения, бытующие в коми-зырянских диалектах, не обнаруживают значительных различий от соответствующих литературных форм.

Большинство адвербиальных местоимений в коми языке представляют собой застывшие формы локальных падежей (иллатива, элатива, аппроксиматива, эгрессива, терминатива, транзитива), поэтому диалектные различия, в первую очередь, касаются формального варьирования застывших падежных показателей: *тас’ан* (сс. скр. вым. уд. лет. вв.) – *тас’эн* (вс. луз. нв.) – *татис’öдз* (уд.) ‘отсюда’ и др. Многие адвербиальные местоимения в диалектах представлены несколькими вариативными формами, различающимися наличием / отсутствием тех или иных структурных сегментов, не несущих семантико-грамматических значений: *сэн* – *сэни* ‘там’; *тат* – *тати* – *татик* (скр.) ‘здесь, по этому месту’; *этат* – *этати* – *этатта* (сс.) ‘здесь, по этому месту’; *кыдз* – *кыдзи* ‘как’; *сидз* – *сидзи* ‘так’; *тадз* – *тадзи* ‘вот так’; *сэс* – *сэтыс* ‘оттуда’; *тас* – *татыс* ‘отсюда’; *кыс* – *кытыс* ‘откуда’; *кор* – *кодыр* (печ. сс. скр.) – *кори* (л.) ‘когда’; *сэтчö* – *сэтчан* ‘туда’; *сидзи* – *сидзик* (вым. скр. сс.) – *сидзин* (вв.) – *сидзиэн* (вв.) – *сидзöн* (уд.) – *сидзикöн* (сс. скр.) – *сидзикэн* (иж.) – *сидзикöнöс* (скр.) ‘так’ и др.

В **заключении** излагаются основные выводы и обобщения по исследованию диалектной морфологии именных частей речи. Анализ диалектной морфологии именных частей речи позволил проследить отчетливые языковые связи 1) *северных и южных зырянских* диалектов, при этом непроницаемой остается центральная диалектная зона (присыктывкарский, верхневычегодский диалекты); 2) *южных коми-зырянских* диалектов с *верхнекамским* и *коми-пермяцкими* диалектами; 3) *северных коми-зырянских* диалектов (особенно, удорского) с *коми-пермяцкими* диалектами; 4) *южных зырянских* диалектов с *удмуртскими* диалектами

(большей частью северными); 5) *северных коми-зырянских* диалектов с ареалом *северных удмуртских* диалектов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Сажина С.А. История изучения коми-зырянских диалектов // Пермистика-8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Сыктывкар, 2001. – С. 242–247.

2. Сажина С.А. Диалектное членение коми языка // Научные издания московского Венгерского колледжа. – М., 2002. – II / 1. – С. 282–290.

3. Сажина С.А. Из истории классификаций диалектов коми языка // Русский язык и культура северного Предуралья: Материалы научной конференции. – Сыктывкар, 2002. – С. 83–88.

4. Сажина С.А. Колебания в порядке следования притяжательных суффиксов в диалектах коми языка // *Linguistica Uralica*. – 2002. – № 4 (XXXVIII). – С. 245–254.

5. Сажина С.А. Основные особенности в употреблении лично-притяжательных суффиксов в коми-зырянских диалектах // IFUSKO – XIX: Международная студенческая финно-угорская конференция: Тезисы докладов. – Сыктывкар, 2003. – С. 74–75.

6. Сажина С.А. Выражение множественного числа существительных и прилагательных в коми-зырянских диалектах // *STUDIA JUVENALIA (SJ)*: Сборник работ молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2003. – с. 204–215.

7. Сажина С.А. О месте верхнекамского диалекта в диалектной системе коми языка // I Международный симпозиум по полевой лингвистике: Тезисы докладов. – Москва – 23–26 октября 2003 г. – М., 2003. – С. 114–115.

Сокращения

- вв. – верхневычегодский диалект;
- вс. – верхнесысольский диалект;
- вым. – вымский диалект;
- иж. – ижемский диалект;
- кз. – коми-зырянские диалекты;
- кп. – коми-пермяцкие диалекты
- л. – лузский говор лузско-летского диалекта;
- лет. – летский говор лузско-летского диалекта;
- лл. – лузско-летский диалект;
- нв. – нижневычегодский диалект;
- печ. – печорский диалект;
- скр. – присыктывкарский диалект;
- сс. – среднесысольский диалект;
- уд. – удорский диалект.

Тираж 100.

Заказ № 5.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы и
истории Коми НЦ УрО Российской академии наук
167982 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26